

18+

Далече

Василиса Марченко

Василиса Марченко

Долгое эхо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67954535

ISBN 9785005686879

Аннотация

«Мое сердце можно было сравнить с вином – его будто бы откупоривали столько раз, что кислород полностью разрушил вкусовые качества, и увы, придётся искать любителей такого кислого вина». И ты улыбаешься этой широкой улыбкой, а внутри застывает печаль. Счастье обязательно придёт, но его стоимость – долгое эхо душераздирающего прошлого. Короткая история с глубоким смыслом. О предубеждениях и чувствах. О борьбе с собственным разумом и извилистой тропе к свету. И, наконец, о всепоглощающей любви.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Долгое эхо

Василиса Марченко

Иллюстратор Никита Ссурикин

Иллюстратор Анна Антипина

© Василиса Марченко, 2022

© Никита Ссурикин, иллюстрации, 2022

© Анна Антипина, иллюстрации, 2022

ISBN 978-5-0056-8687-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Однажды я осознала очень удивительную вещь. Первая любовь не забывается. Она будто бы проникает сквозь кожу и течёт по венам вместе с воспоминаниями. К сожалению, настолько бывает беспорядочным и несправедливым этот мир: ты открываешь доступ к своему сердцу дорогому человеку, а затем собираешь себя по кускам годами. Так произошло и со мной. Мне было всего лишь шестнадцать лет, когда я встретила его на памятной вечеринке, но эта спонтанная встреча полностью перевернула мою жизнь. И я пообещала себе не посвящать ему больше ни единой строчки, но так уж вышло, что сегодня мне пришлось перелистнуть назад много-много страничек своей жизни.

Я была девочкой с большим сердцем, но гораздо больше были мои розовые очки, от которых сейчас остались лишь запылённые осколки. Я влюбилась и эта любовь казалась мне самой прекрасной на свете. Но надо признаться, практически все подростковые отношения рано или поздно заканчиваются. Конечно же, расставание коснулось и меня. Тогда я решила посвятить этому человеку книгу. Мне хотелось оставить на памятных страницах нашу маленькую историю.

На создание рукописи ушёл целый год, после чего в один прекрасный вечер я получила посылкой заветный экземпляр книги, а затем вручила драгоценный подарок ему. Все

мои чудесные ожидания реакции возлюбленного, которые я представляла себе день за днём в своей голове, увы, разочаровали меня, ведь никакого неписаного восторга в ответ я не получила. Большой восторг я видела от своей небольшой аудитории читателей. Однажды пожилая женщина, прочитав мою книгу, сказала: «Влюбиться и поведать об этом всему миру – самый смелый поступок!» Я запомнила ее слова на всю жизнь, и они стали для меня весомой мотивацией писать дальше, оттачивать до острия свои писательские навыки, с каждой новой главой становиться лучше. Но иногда мне кажется, что я до сих пор чувствую привкус той боли, что причинил мне когда-то дорогой человек.

Ведь мне было действительно больно. Больно, когда спрашиваешь любимого про его впечатления о книге, но он смущенно мнетя, и ты осознаешь, что он не прочитал её до конца, а искусство твоих чувств так и осталось неузнанным. Больно, когда встаёшь наутро после значительной дозы антидепрессантов и шатаешься с помутнениями в голове по серым улицам, но единственное, что всплывает в мыслях – это тёплые воспоминания с ним.

Он всегда любил крепкий алкоголь, нетрезвые разговоры по душам, но порой казалось, что больше пила я, в тщетной попытке забыть его кристальные голубые глаза. Друзья говорили, что даже после внушительного количества бокалов вина единственное слово, которое соскальзывало с моих уст – его имя. В желании отвязать себя от последней искор-

ки первой любви, я бездумно вривалась в новые отношения, но каждый раз, когда меня брали за руку, я мечтала только о его тёплых пальцах, которые когда-то крепко переплетались с моими. Я кормила себя ложью, говоря себе перед зеркалом, как сильно проклиная любовь, а после этого лежала на холодном полу и представляла его точеное лицо, с фарфоровой кожей и ослепительной улыбкой.

Но в какой-то момент я прекратила каждый вечер рассматривать совместные фотографии с ним, больше не думала о его жизни без меня и не скучала. Ни одной палящей искорки отныне не зажигалось внутри при упоминании его имени. Я перестала включать старые песни, которые нагоняли на меня своей тоскливой мелодией воспоминания о самых лучших моментах с ним, когда на моей лице расплывалась счастливая улыбка. Я сумела пережить все это, как долгую болезнь, но это сильно изменило мой внутренний мир. Только вот тогда друзья сказали, что мои глаза больше не напоминали два солнечных диска.

Ведь они почему-то теперь не горели.

Глава 1

«Что для меня любовь сейчас?

Представьте себя среди далеко простирающейся поляны, усыпанной вересковыми зарослями. После утренней росы чувствуется невероятная свежесть. На лазурном небе ни единого облака, а каждым миллиметром кожи явственно ощущается легкое дуновение ветра. Палящее солнце игриво проходит по телу и в какой-то момент его тепло чувствуется даже душой. Но солнце обманчиво, ведь едва взглянув на него, глаза невольно жмурятся и слезятся.

А ведь я так долго шла, чтобы увидеть огромный солнечный диск: через мрачные лесные тропы, каменные закоулки. Все дороги неизбежно окрашивались алой кровью, стекающей с моих бесконечных ран. Из моих уст вырывался жалобный крик. Действительно, я кричала и плакала, но не сдавалась. И теперь я тут, с искренним желанием вдохнуть в себя весь этот воздух полной грудью, ведь он так прекрасно пахнет свободой.

Я так долго шла к этому месту, стирая ноги до кровавых мозолей, но долгожданное ощущение покоя оказалось прерывистым: зажмурившись, я почувствовала волну недоверия, столь неожиданно накрывшей меня с головой. В хандре и непонимании я кручу головой, ожидая, что мои едва затянувшиеся

шрамы снова откроются.

Казалось бы, ласка солнца и тёплого ветра принесёт мне обещанное умиротворение, но вкус этого едва уловимого ощущения все ещё отдавал болью моего прошлого.

Выпуская из себя весь запас воздуха, который мгновением назад я судорожно в себя вдохнула, я молча попросила у вселенной, чтобы я снова смогла однажды насладиться поляной, залитой яркими солнечными лучами.»

Я со вздохом закрыла свой старенький коричневый блокнот, изрядно потрёпанный и затертый от бесчисленного количества записей за минувшие четыре года. Пожалуй, мой блокнот знает меня лучше любого человека, ведь там тайлись все мои сокровенные мысли. Множество страниц ощутили на себе сотни слез, которые временами безжалостно лились на свежие чернила. Все эти записи несли мою тягостную боль, которая сковывала меня крепкими стальными цепями.

Меня зовут Лиса и совсем скоро мне исполнится восемнадцать лет. Если бы у меня был свой лозунг, то он бы определённо нёс в себе что-то о силе духа и целеустремлённости. Ведь пройдя нелегкую подростковую жизнь, я все ещё существовала и боролась, но мой внутренний мир действительно сильно поменялся.

Я все ещё отчетливо помнила себя пару лет назад: наивную и доверчивую девчонку, влюблённую по уши в районного парня с ледяным сердцем. Но теперь это осталось поза-

ди, поскольку несколько месяцев назад я оборвала все связи с объектом своего воздыхания. С тех самых пор, как мое сердце было разбито вдребезги, я дала себе обещание упорно следовать своим целям. Так я и поступила. Та жизнь, которую я вела будучи влюблённой, оказалась замкнутым кругом, в котором не существовало ни силы, ни воли, ни упорства, привычных мне с детства. Поэтому я решила выбраться из колеи и верно плыть по своему течению.

А затем я провалила экзамен и не поступила в университет. В тот злосчастный день, когда я узнала свои баллы за экзамен, внутри меня образовалась огромная дыра. Рыдая, яростно сметая все предметы с письменного стола, я неистово злилась на Вселенную, которая совершенно не удосужилась наградить меня за все мои старания, вложенные, чтобы обеспечить себе хорошее будущее. Этим провалом я разочаровала не только себя. На протяжении долгих дней мне приходилось видеть понурое материнское лицо. Она подбадривала меня, помогла подать документы в колледж, но в её сочувствующем взгляде я ясно замечала огорчение, как и слабую безжизненную улыбку, которой она меня одаривала. «Ей определено стыдно за меня,» – горько подумала тогда я, и эта мысль прошлась по моему телу острыми когтями.

Так я и потеряла частичку себя вновь, когда осознала, что в моей жизни не осталось ни капельки чувств, все силы иссякли, а моя главная цель разбилась на тысячу осколков.

«Собирай осколки обратно!» – твердила я себе, но мотивация рухнула, руки опустились. Были видны лишь мои сгорбленные плечи. От живой, полной энергии девушки не осталось и следа: удары, прошедшие по мне, сделали из меня эмоциональную калеку. Но я не подавала виду, ведь знала, что люди, окунувшиеся до конца в мою реальность не смогут понять меня. Они лишь поспешно вылезут из этого чана, захлебнувшись, испугавшись, сверкая пятками.

Но даже несмотря на неожиданные повороты, происходящие в моей жизни, я все ещё благодарила судьба за искорку тепла, исходящую от моих двух подруг – Энн и Насти. С упрямой, дерзкой и своенравной Энн я успела пройти множество преград за те года, пока вела бурную подростковую жизнь. Она сильно изменилась за прошедшее время, ведь с лица подруги будто бы ластиком были стёрты ранимость и детская неосознанность. Мы определённо стали более чёрствыми, осторожными, но год назад рискнули подарить своё доверие Насте.

С Настей мы тренировались в одной команде по плаванию много лет, а в один ничем непримечательный день я разговорилась с ней в автобусе по пути на тренировку. С этого дня все поменялось: каждое утро мы вместе садились в один автобус, разговаривали на разные темы и обе ощутили вспышку взаимопонимания.

День за днём я чувствовала, что она становится мне ближе. Оказалось столь похожий на меня человек был все это

время прямо под моим носом – такая же русоволосая девушка с кругленьким личиком, с несползающей улыбкой и задорным блеском в медных глазах. Наша душевная близость росла, и в один момент я решила, что хочу полностью впустить этого человека в свою жизнь. И я познакомила её с Энн, а вскоре поняла, что мы все буквально созданы друг для друга: три сильные девушки со сложной судьбой, нескончаемым позитивом, но с огромной охапкой груза на душе.

У меня больше не было друзей ближе, чем Настя и Энн, но я и не жаловалась. Мое сердце можно было сравнить с вином – его будто бы откупоривали столько раз, что кислород полностью разрушил вкусовые качества, и увы, придётся искать любителей такого кислого вина. Поэтому я не стремилась расширять свой круг общения.

Раньше меня и вовсе это не волновало, я могла доверить себя кому угодно, но сейчас я обращалась с доверием будто с хрустальным сервизом: одно неверное движение и снова придётся собирать себя по кусочкам. Мне было хорошо со своими двумя подругами, ибо не нужно было притворяться. С ними я могла быть собой.

Крутясь возле стола, где буквально несколько минут назад я перечитывала свой блокнот, я пыталась избавиться себя от тягостных мыслей. Через четыре дня август минует, и начнётся учеба. Каждой клеточкой своего тела я ощущала пронизывающий стыд, ведь я поступила в колледж после одиннадцатого класса, а университет так и остался моей несбыв-

шейся мечтой. Последние дни я проводила дома, чувствуя, будто бетонные стены вот-вот начнут неожиданно сдвигаться, желая раздавить меня в лепешку. «Возможно, так даже было бы и лучше,» – уныло подумала я, выглядывая в окно. Все лето природа одаривала серый район жаркими днями, но теперь значительно похолодало, а по ночам рисовалась туманная дымка. Стало гораздо тусклее, особенно на душе: от осознания, что бесконечная унылая рутина вот-вот без стука вновь вернется на своё место.

Но сегодня мой день предвещал кое-что интересное, ведь вместе со своими подругами мы запланировали поездку на мою дачу, чтобы развеяться и провести догорающие дни лета в иной обстановке. Нетерпение щекотало мои рёбра, и я принялась торопливо собирать в рюкзак все необходимые вещи. Часы показывали ровно полдень. Нам предстоял двухчасовой путь на электричке за восемьдесят километров от Москвы.

Когда мы вышли из вагона, нас встретила пустая станция, ограждённая старым облезлым забором. Каждая из нас была уставшей: Энн еле переставляла ноги, Настя с трудом тащила на себе тяжелый рюкзак и два пакета, а я сонно шаркала рядом. Но когда мы спустились с платформы, и мои глаза растерянно обвели местность, в груди тотчас вспыхнула радость, а онемевшие от долгой поездки ноги неожиданно налились силой. Впереди расстилалась пыльная асфальти-

рованная дорога, слева от неё располагались невысокие жилые дома, а справа разноцветной линией пролегли: и полевые ромашки, и зверобой, и ползучие лютики. Листья деревьев шелестели от порывистого ветра, воздух пах кошеной травой, но самый приятный оказался запах свободы. Среди этих просторов я почувствовала себя иначе, будто бы ни разу в жизни по моим щекам не катились горькие слёзы, будто я и вовсе не была под бременем душевных терзаний. Все сокрушительное осталось где-то позади, за восемьдесят километров отсюда. Неожиданно мне захотелось оказаться в вересковой пустоши, бесконечно лежать в траве с закрытыми глазами, подставив лицо тёплым солнечным лучам.

Я семенила по дороге, а девочки с восторгом изучающе оглядывали местность. Они были в предвкушении этих двух беззаботных дней, которые мы проведём здесь.

Мы шли не меньше двадцати минут, с любопытством разглядывая чужие дома, а посреди пути ненадолго остановились возле крохотной одноэтажной постройки, где обосновался местный охранник. Рядом с маленьким домиком вплотную находился небольшой вольер, а через серебрянные прутья выглядывала грустная собачья морда: собака принадлежала охраннику и выпускалась из вольера весьма редко. Серые печальные глаза неожиданно наполнились радостью, когда я осторожно протянула руку и ласково опустила ее на пушистую макушку. «Все заслуживают тепла,» – мелькнуло в моих мыслях.

– Мне её жаль, – вслух пробормотала я, когда мы снова двинулись в путь.

Асфальт уже давно сменился землистой тропой, а значит идти осталось совсем недолго.

– Мне тоже, не хотела бы оказаться на её месте в этой малюсенькой клетке, – поддакнула сострадательная Настя. Затем её взгляд упал за густые кустарники. – Смотрите-ка, я вижу пруд!

Действительно, слева от нас, перед поворотом на другую улицу, находился небольшой пруд. За последние года он стал едва заметен из-за разросшейся вокруг растительности, и я невольно вспомнила, как в детстве ранилась об коварную осоку, когда разглядывала на речке мальков.

– Нам осталось идти пару минут, – с облегчением выдохнула я, мечтая завалиться на мягкую кровать и передохнуть.

Так и случилось, буквально через считанные секунды мы увидели высокий зелёный забор и темно-коричневую крышу с дымоходом. От жгучего нетерпения я бросилась к калитке, а затем торопливо нажала на кнопку звонка. Спустя минуту ожидания, которое показалось для меня вечностью, послышались тяжёлые шаги и дверь со скрипом отворилась.

– Сюрприз! – весело крикнула я, а девочки, стоящие рядом, нелепо заулыбались.

Напротив меня стояли бабушка с дедушкой, а на их морщинистых лицах за несколько мимолетных мгновений успели смениться недоумение на радость.

– Лисочка! – проворковала бабушка, и я с теплотой потянулась в ее крепкие объятия.

– Решила устроить вам неожиданный приезд вместе с девочками, – объяснилась я, когда все друг с другом поздоровались.

– Чудесно, проходите скорее на кухню, – сразу же засуетилась бабушка. – Я как раз приготовила обед.

Мы дружно закивали и двинулись к дому по узкой тропинке. Дедушка сразу же принялся за работу в саду. Здесь росли и лилии, и розы, и душистые кусты сирени, а в правой части сада красовалось несколько овощных грядок. Мой дедушка был молчаливым и трудолюбивым человеком – от него веяло какой-то пожилой благородностью, а к своим семидесяти девяти годам ему до сих пор было под силу работать в саду, что объясняло его поджарое тело и мозолистые крепкие ладони. «Они с бабушкой уже почти пятьдесят пять лет вместе. Настоящий пример любви,» – с долей тоски и уважения подумала я, но затем поспешно отогнала эту мысль прочь. В наше время любовь будто-бы перестала иметь прежнюю ценность, а постоянство и стабильность канули куда-то в неизвестную бездну. Какая же она теперь – валюта любви?

Плотно пообедав за небольшим столом под ласковое воркование бабушки, мы с девочками улеглись в соседней комнате на общую кровать. Комната приятно пахла старыми книгами, а где-то в углу потолка назойливо зажужжала оди-

нокая муха.

– Неужели нам придётся две ночи подряд так ютиться? – заворчала вечно недовольная Энн, переворачиваясь на другой бок.

– Увы, но весь второй этаж сейчас ремонтируется, – сквозь дремоту буркнула я.

Впервые за долгое время мне стало уютно, ведь я была вдали от суетливой Москвы, лежала на мягких подушках вместе с подругами, окружённая заботой бабушки с дедушкой. Но все скоротечно в этой жизни, и я знала, что эти пару дней пролетят неумолимо быстро.

Так оно и происходило. Не успели мы насладиться отдыхом, как наступило пять вечера. Заряженные новыми силами, переодетые в чистую одежду, мы весело шагали по дачной улице. Солнце ещё не торопилось приближаться к горизонту, лёгкий ветерок приятно обдувал мое веснушчатое лицо, а длинные волосы в свете лучей отдавали рыжевато-медным отливом. Мы пели песни, скакали по пыльной дороге, пригретые августовским теплом, а затем остановились возле огромного поля. Оно простиралось на несколько километров и заканчивалось возле едва виднеющийся трассы, которая отсюда казалась совсем крохотной, будто бы игрушечной. Высокая трава путалась под ногами, в нескольких метрах от нас возле старого сарая

оглушительно залаяли бездомные собаки.

«Вот бы так было всегда!» – с прежней тоской пронеслось

в моей голове. Я оценивающе посмотрела на подруг – их лица буквально сияли от увиденной красоты просторов и царившего здесь спокойствия. Мы принялись делать фотографии, ведь каждой из нас безумно хотелось запечатлеть этот момент не только в сердце.

Когда мы закончили, ветер усилился, подгоняя бесчисленное количество облаков, а яркие лучи стали совсем блеклыми, предсказывая скорый уход солнца. Отыскав возле дороги детскую площадку, мы забрались на аттракцион для лаванья и уселись на прочные канаты.

С высоты нам открывался вид на обширный пруд, в котором отражалось постепенно темнеющее небо.

– Я мечтала встретить закат таким образом, – негромко провозгласила я, любуясь происходящим.

– Это очень красиво! – отозвалась Настя, и мы беспечно заулыбались.

– Прекрасный день, – сладко вздохнув, подытожила я. А затем мой взгляд вновь наполнился грустью. – Но когда я вспоминаю, что через два дня начнётся привычная для всех рутина, мне хочется выть.

– Мне кажется, что это лето было совсем ничтожным, – подбавила Энн, поправляя свои светло-русые волосы, растрепанные ветром.

Я лишь неопределённо пожала плечами.

– Благодаря вам мое лето было хоть чуточку ярче, – с теплотой проговорила я, а воспоминания вереницей замелькали

перед глазами. – Мы ездили купаться, катались на велосипедах, устраивали пикники в лесу и частенько гуляли в разных местах. Разве не здорово?

– Но негативные моменты тоже были и порой они норовят затмить все хорошее, – задумчиво ответила Энн.

Я саркастично усмехнулась.

– Думаешь мне этого не понять? – горько заговорила я. – Вы только представьте: я шла все это время через разные преграды, они вечно заставляли меня спотыкаться и падать, но я всегда упрямо вставала и стремилась к своей мечте дальше. Моя цель была дороже всего, а теперь не только она разрушилась, но и я сама. Иногда мне очень сильно не хватает своего отца. Он бы никогда не позволил мне сдаться.

Лица девочек отразили мои же чувства, ведь мы трое прекрасно знали о какой неистовой тоске шла речь. За свою короткую жизнь я успела израниться тысячу раз. Первый – потеряв своего отца. «Та самая рана, которая никогда не перестанет кровоточить,» – с болью подумала я, вспоминая его серо-голубые глаза, добрый нрав и всю ту отцовскую любовь, которая воспитала во мне самые хорошие качества. Если во мне что-то и было плохого, то это все то, что я упустила после его гибели, прохордив сложный подростковый период. Раньше мое честолюбие никогда не позволяло мне сло-маться. Я старалась всеми силами, мужественно держалась, зная, что где-то в другом измерении все еще цветет отцовская гордость, посвящённая мне. Даже после такой ужасаю-

щей душу потери я твёрдо стояла на ногах, получая удары от тех, кто был однажды дорог моему сердцу. И теперь оно, кажется, почерствело, словно заплесневелая буханка хлеба.

– Но неужели ты не понимаешь, что можешь пересдать экзамен через год? – вывела меня из задумчивости Настя.

– Я так и поступлю. Но жизнь чертовски скоротечна, – нахмурилась я. – Мне безумно хотелось поступить именно в этом году, ведь я так сильно старалась ради этого, каждый день тратила время за учебниками после выматывающих тренировок. А теперь я вернулась в самое начало. Возможно, это очередное испытание, которое сделает меня сильнее, но сейчас у меня ощущение, будто я разламываюсь на куски. Мне бы в жизни лишь взаимных чувств, да исполнения целей, тогда я точно обрету счастье. Но и то, и другое, к сожалению, уже сломалось.

– Впереди ещё много трудностей, – вздохнула Энн, аккуратно коснувшись рукой моего плеча.

– Твои цели все ещё выполнимы, Лис, – подбодрила меня Настя, и я с благодарностью посмотрела на девочек.

– Я бы пропала без вас, – искреннее прошептала я. – Только с вами я действительно могу быть собой.

– Ты пересдашь этот чертов экзамен и поступишь в университет! – продолжила Настя, в попытке наполнить меня уверенностью. – И однажды встретишь того самого человека, который будет тебе близок. Может это произойдёт в колледже?

Я насмешливо сощурила глаза.

– Я и отношения? Похоже на шутку!

В глубине души мне безумно хотелось найти свою родственную душу, но моя вера в подобного рода чудо, увы, иссякла. Я вовсе и не ждала от себя чувств, ведь однажды уже истратила всю гамму эмоций на одного человека – самолюбивого, с холодным нравом. На секунду я задумалась, что он и сам смог превратить меня в ледышку.

– Всем нам нужна любовь, – пропустив мою насмешку мимо ушей, ответила Настя. – Какой парень смог бы завоевать твоё сердце?

Я задумчиво прикусила губу.

– С прекрасным чувством юмора, пожалуй, – с усмешкой вырвалось из моих уст, а затем я заговорила серьезно. – Мне бы хотелось, чтобы он был целеустремленным спортсменом, потому что в таком случае он прекрасно поймёт всю тяжесть тренировок и никогда не обесценит мой труд. К тому же, думаю, честолюбивец мне придётся по душе. А если он ещё и высокого роста, да с голубыми глазами, то тогда, наверное, я растоплюсь.

Но внутри меня при этих словах все переворачивалось, казалось мне, что никогда мое сердце не наполнится беззаветной и необъятной любовью. Былой интерес к мужскому полу развеялся, словно серый пепел, унесённый ветром, и видела я лишь друга в каждом, с кем пересекались мои извилистые пути.

Энн с деланной пренебрежительностью посмотрела на меня:

– Если у него не будет голубых глаз, то ты ему откажешь?

– Нет! – торопливо ответила я, засмеявшись. – Вовсе нет, просто вы знаете, что меня безумно пленяют голубые глаза.

– Просто однажды ты в такие влюбилась, вот и все.

– А какой итог? – снова усмехнулась я. – Это было не взаимно, хоть я и пыталась убедить себя в обратном. Наивно, не так ли? Иногда мне кажется, что я до сих пор восстанавливаюсь после этой сумасшедшей истории.

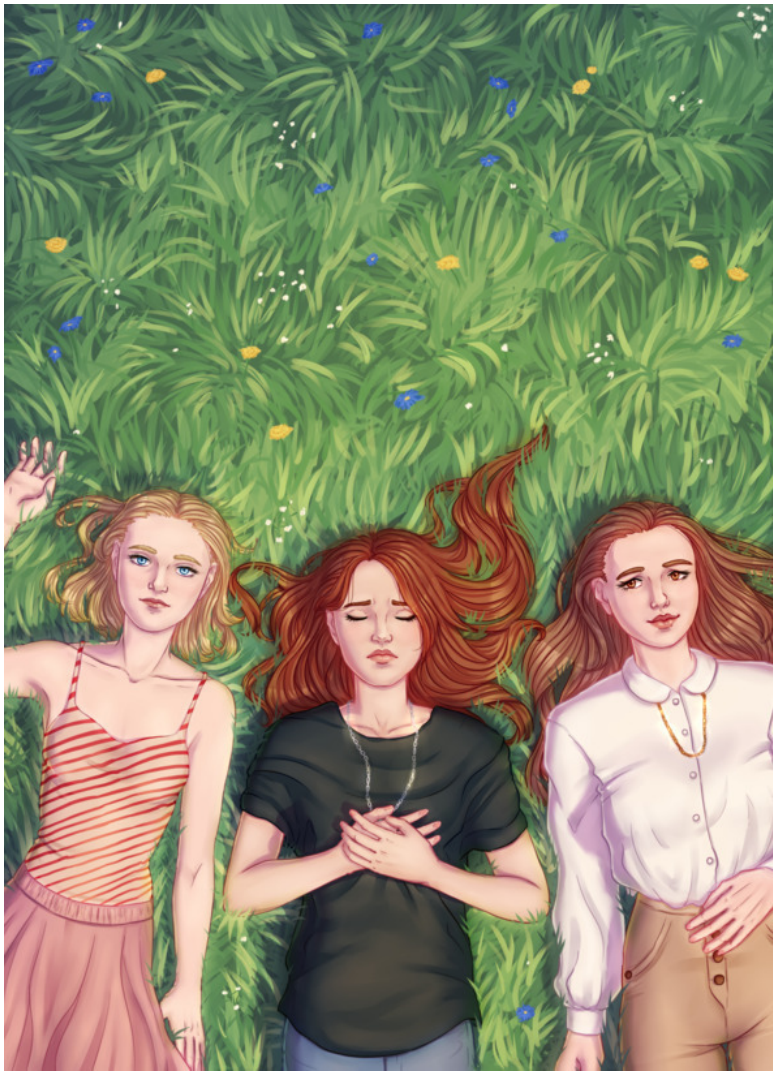
– Но ты же больше ничего не чувствуешь?

Я помедлила с ответом. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я решила оборвать общение со своей первой любовью.

– Разве после стольких ран, нанесённых им, возможно продолжать любить? – негромко проговорила я, словно обращаясь к самой себе. – Я безостановочно истекала кровью, но он перетягивал все на себя, будто бы это его тысячу раз ударили ножом. Мне хватило самодостаточности, чтобы перестать что-либо чувствовать.

Но те чувства когда-то зажигали меня от кончиков пальцев до самой макушки, заставляли делать безбашенные поступки, а теперь я даже и не знала, что лучше: стать чёрствым камнем или задыхаться по ночам от невзаимности. Я жаждала заполнить эту пустоту внутри себя до самых краев, но все происходящее в моей жизни, наполняло меня лишь

на жалкую четверть. Посмотрев на заходящий за горизонт солнечный диск, мое тело упрямо наполнилось слабой надеждой – вечной, нескончаемой надеждой на то, что однажды я проснусь счастливой.

Глава 2

Вот и настал момент, когда тишину в моей комнате прорезал звонок будильника, столь неприятный в это утро, что оставалось только поскорее вскочить с кровати, лишь бы не слышать сквозь сон эту назойливую мелодию. На часах показывало десять утра. До первого занятия в колледже оставалось всего-то пару часов, и я уныло окинула взглядом свою помятую постель: безумно хотелось мне свернуться на ней калачиком и погрузиться в небытие, только бы не ощущать на себе реальность нового дня.

«Зарыть бы голову в песок, как страус,» – вздохнула я про себя, направляясь в ванную. Я сонно оглядела своё отражение в зеркале. Вопреки моей искренней любви к веснушкам и рыжеватым волосам, по приезде в Москву я решила немного изменить свой образ. В салоне мне нехило укоротили волосы, а затем перекрасили их в темно-русый холодный цвет. Я едва узнавала себя с новой причёской, но единственное, что во мне оставалось прежнего – печальные карие-зеленые глаза. Весьма редко зажигался в них свет по настоящему, без фальши.

Стряхнув с себя остаток сна, собравшись, я вышла из дома, по привычке вставив наушники в уши. Мне нравилось слушать музыку, она заглушала тишину, прогоняла прочь мысли, которые напротив норовили вцепиться в каждую из-

вилину моего мозга. И в этот момент упорнее всего я старалась не думать о том, что шагаю почти вслепую, ведь я совсем не знала, что ждёт меня дальше. Меньше всего на свете мне хотелось мгновение за мгновением испытывать огорчение и бесконечно упиваться к себе жалостью. Возможно, так будет лучше и мне придётся пойти более сложным путём, чтобы наконец осуществить долгожданную мечту. Но даже если я все ещё стояла на ногах, готовая к упорному труду, то отчетливо ощущала, как мое честолюбие меркнет, и скорее каждое мое утреннее пробуждение заряжалось уже не новым смыслом, а лишь старой, ещё не затухшей искоркой надежды.

Спустя двадцать минут я была на месте. Передо мной простилась достаточно широкая территория. За забором возвышалось четырехэтажное белое здание, сбоку – недостроенный закрытый бассейн, а с левой стороны располагалось крохотное футбольное поле. Училище открыли около пятидесяти лет назад, с целью вырастить талантливых спортсменов и квалифицированных преподавателей по физической культуре, но меня это не сильно заинтересовало, поскольку с самого детства я планировала стать тренером по плаванию.

Погода стояла прекрасная. Ветра совсем не было, поэтому государственный флаг уныло свисал с настенного флагштока, установленного на боковом фасаде здания. Возле главного входа незнакомые студенты распределились на группы и о чем-то негромко переговаривались. Глядя на тол-

пу скопившихся рядом людей, мне неожиданно захотелось съёжиться в комок от прокатившейся по мне волне страха. Неизвестность сегодняшнего дня буквально бросала меня в дрожь. «Неужели ты будешь стоять и трястись, будто маленькая?» – выругал меня мой внутренний голос, и я ощутила вспышку стыда.

А затем моего плеча аккуратно коснулась чья-то робкая рука. Резко обернувшись, я увидела парня – достаточно высокого, чтобы мне пришлось слегка задрать голову. Он оказался весьма симпатичным: тёмные выющиеся волосы, спортивное телосложение, густые брови, напоминающие вороньи крылья над его глубокими карими глазами. «Мне бы такие ресницы!» – с лёгкой завистью подумала я, а затем беззаботно улыбнулась, стараясь не смущать его своим изучающим взглядом. Его звали Дава, и я познакомилась с ним за день до первого сентября в социальных сетях, когда внимательно анализировала будущих одноклассников. Недолго думая, за пару часов обсуждения проваленного экзамена и предстоящей учебы, я решила, что хочу сесть с ним за одну парту, на что получила вежливое одобрение. «Энн с Настей выпотрошили бы мои кишки, если бы я подружилась с девочкой!» – невзначай подумала я про себя.

– Ад начинается, – саркастически выдавила я, кивнув на толпу одноклассников, которые поочередно проходили через турникеты.

– Да уж, совсем не этого я ожидал, – невесело проговорил

Дава, оглядывая группки прибавляющихся людей.

Видеть новые лица было совершенно непривычно и чуждо, но отнюдь своему волнению я лишь выше подняла голову. И вот мы прошли через турникеты, цепочкой двинулись к центральному входу в колледж по узкой дорожке. Повсюду раздавались веселые переговоры студентов, а мне лишь сильнее захотелось кричать от огорчения, ведь совсем не здесь я должна была сегодня находиться. Каждый миллиметр кошеной травы и асфальта напоминал мне о моих треснувших планах на этот учебный год, но ни один мускул на моем лице не дрогнул при этих мыслях. Напротив, я приняла на себя весьма воодушевленный вид и взволновано улыбнулась Даве. Несмотря на то, что я совсем его не знала, благодаря присутствию нового знакомого мне стало спокойнее.

– Добро пожаловать, студенты! Надеюсь, что вы готовы работать в предстоящем учебном году и получать новые знания, не покладая рук! – заговорил наш куратор, когда мы добрались до четвёртого этажа и уселись на свои места.

Нам с Давой, к общему сожалению, досталась вторая парта, и я усердно делала вид, что вслушиваюсь в каждое слово преподавателя. Исподлобья я осторожно рассматривала своих одноклассников, но к моему разочарованию, их лица были слишком сосредоточенными, а я напротив желала побыстрее влиться в веселую компанию, чтобы заглушить легкую тоску по школьным дням, которые я проводила в окружении привычных мне людей. Я покосилась на Даву. Он си-

дел в своих мыслях, но в его взгляде, направленном в пустоту, я внезапно уловила долю презрения. «Он явно не хочет здесь находиться. Что ж, я прекрасно его понимаю,» – с досадой усмехнулась я про себя.

– Большинство наших одноклассников похожи на клоунов, – шепнула я ему, дабы разбавить собственную скуку. – Мне кажется, что они уже в рот заглядывают нашему куратору, лишь бы доказать, как им важно здесь учиться.

– Почему же похожи? – улыбнувшись, еле слышно ответил Дава. – Они и есть такие!

Я негромко засмеялась, но глубоко внутри каждая клеточка моего тела норвила взорваться от красочных представлений себя на первом занятии в университете. «Не представляй. Поздно мечтать о том, что ты сама упустила,» – осаждал меня мой внутренний голос.

Так я и сидела четыре часа за партой в этот ничем непримечательный день, выдавливая из себя улыбку, но в моем горле сковывался огромный ком сожалений и печали. Солнечные лучи слабо пробивались сквозь жалюзи, мягким рассеянным светом касались парты, а мое дыхание постепенно замедлялось. Все новое было для меня чужим, неприветливым, и даже несмотря на новые знакомства, которые я успела завести на перерывах, я сильно тосковала по старым друзьям из школы и по яркому пламени в моих глазах, что даровал свет на пути к моей главной цели.

Когда последняя пара закончилась, вместе с Давой я спус-

калась на первый этаж. Внутри колледж выглядел достаточно напыщенно: чистые серые полы, бордовые мраморные стены, украшенные фотографиями всех преподавателей и лучших учеников. На каждом этаже располагались белые кожаные диваны, а в коридоре возвышались огромные зеркала. Уставшая и сонная, я вышла из колледжа и с наслаждением втянула в себя свежий воздух. На улице было все ещё тепло, а на мне надета лишь белая рубашка, да чёрные джинсы с широким ремнём. Я закинула на спину рюкзак, и впервые за этот день из моих уст вырвалось что-то жалобное.

– Как же тяжело тащить этот дурацкий рюкзак! – раздраженно проворчала я. – И зачем нам велели брать с собой ноутбуки, если мы ни разу ими не воспользовались сегодня?

– Дай-ка мне его, – тут же спохватился Дава, срывая с моих сторбившихся плеч лямки рюкзака.

Тяжесть со спины внезапно исчезла, и я смущённо поджала губы.

– Вот спасибо, – нелепо обронила я, с облегчением привыкая к пустоте сзади моей рубашки. – А тебе самому не будет тяжело?

– Пустяки, – беспечно отозвался Дава. – Я провожу тебя до остановки, – он заметил мое смятение и добавил: – Нам все равно идти в одну сторону.

В моей голове мгновенно загорелась искорка слабого интереса, но я даже и не попыталась разгадать, что обозначали его столь любезные намерения. «Узнав меня ближе, он

вряд ли бы продолжил оказывать мне такие знаки внимания,» – мысленно усмехнулась я. И совершенно неизвестно мне было, когда я начала мыслить так пессимистично. Наверное, это осадок после морального истощения, а может новая я – хладнокровная, без веры даже в самое мельчайшее проявление человеческой теплоты. Как бы там ни было, мне не хватало зажигалки, отчаянно я хотела воспламениться кем-то или чем-то, лишь бы, наконец, почувствовать себя по-настоящему счастливой.

Вопреки собственному ожиданию, каждый день я встречалась с Давой возле автобусной остановки и мы вместе шли до колледжа. С проворной готовностью он забирал мой рюкзак себе на плечо, а я умиротворённо беседовала с ним на разные темы. И постепенно узнавала я его, слушала рассказы про футбол, как оказалось которым, он занимается одиннадцать лет, но сама не торопилась выдать о себе слишком много. Лишь единожды я все таки поддалась вспышке откровения, что совсем не было вызвано доверием, просто мне захотелось поделиться с кем-то истинной частичкой себя. «Того и гляди, Энн с Настей станет слишком тошно от моих бесконечных печальных рассуждений,» – невесело подумала я.

Сегодняшнее утро было пасмурным. Густые серые тучи всегда навеивали на меня тоску, а потому мы с Давой и разговорились на тему любви.

– Однажды я побывал в серьезных отношениях, но если

честно, мне не слишком повезло с девушкой, – рассказывал Дава по пути в колледж.

Я опустила взгляд на свои кроссовки, поглощенная желанием поделиться с ним своим рассказом.

– Мне тоже не повезло. А еще я совершила довольно глупый поступок, – выпалила я, смущенно улыбаясь.

– Какой же, если не секрет? – внимательно посмотрел на меня он, поправляя копну своих кудрявых волос.

– Я посвятила книгу одному человеку, – ответила я, медленно поднимая на него глаза. Я все ещё улыбалась, как можно сильнее стараясь скрыть за этой улыбкой гамму саднящих чувств и воспоминаний. Каждый раз, когда люди узнавали о моём поступке, их лица до смешного становились удивлёнными, и Дава не был тому исключением. – Я была так влюблена, что решила рассказать историю о своей первой любви. Мечтала увидеть, как зажжется хоть маленькая искорка тепла и понимания в его глазах. Знаешь, это словно обнажиться, не снимая одежды, – продолжила я, прежде чем ошеломлённый Дава что-то промолвит из своих уст. – Мы расстались давным-давно, два с половиной года назад, но долгое время оставались друзьями, проводили выходные в одной компании. Только вот отношения с ним разожгли во мне такие крепкие чувства, что все мое нутро кричало мне оставить на страницах каждое счастливое воспоминание. Пол года назад я подарила ему книгу, но он даже не удосужился дочитать ее до конца, а в конечном итоге, в нашем заключитель-

ном конфликте, вылил на меня столько желчи, что мне пришлось уйти, лишь бы не обжечься ещё сильнее. Увы, но он совсем не оценил мой поступок.

– Я под большим впечатлением, – только и выдохнул Дава, глядя на меня, будто на новорождённого ребёнка. – Я бы в жизни не смог повернуть такое!

Я слабо улыбнулась, но мой взгляд все ещё оставался затуманенным. Невыносимо сложно было показывать правдивость собственной жизни и те стороны, что и вовсе не могли изначально разглядеть во мне люди, ибо тщательно они были скрыты, закопаны под самый корень.

– Несколько раз после того болезненного разрыва я пыталась построить новые отношения, – после долгой паузы вновь заговорила я. – Но всякий раз сбегала, насытившись по горло неподходящими мне людьми. Ими можно было лишь на время заглушить одиночество, но влюбиться не удавалось.

На одно мгновение я задумалась, что мои слова прозвучали для Давы легким предупреждением. За последние пару дней учебы я начала беспокоиться, что однажды он почувствует ко мне нечто большее, а мне чрезвычайно хотелось сохранить с ним исключительно дружескую симпатию.

– Я понимаю тебя отчасти. Я, конечно, не посвящал никому книгу, но мне знакомо то, что ты испытывала, – выводя меня из собственных мыслей проговорил Дава, с долей неподдельного уважения. – Ты большая молодец, что сдела-

ла такой поступок. Этим действительно можно гордиться.

– Жаль, что не все это поняли, – мрачно буркнула я, а затем встрепенулась. До колледжа оставалось идти считанные минуты, и я невольно сбавила шаг, в надежде затянуть диалог. – Ты говорил, что у тебя тоже были неудачные отношения. Так что же произошло?

– Я ошибся в девушке, – коротко отчеканил он, а его лоб внезапно наморщился так, будто он увидел что-то омерзительное. – Всегда был рядом, выполнял любые желания, но это вызвало вовсе не любовь или благодарность, а лишь непростительную наглость. У неё на уме были только мои деньги, да подачки – их она точно любила, но к себе я ощущал холод. Её фальшивость всегда имела привкус приторности. Разве мне нужно было терпеть все это, растрачивая себя на отношения, в которых участвует только один человек?

– Меркантильная особа. Всегда испытывала презрение к таким корыстолюбивым людям. Мне кажется, они совершенно не способны любить кого-то, кроме себя, – скривилась я, но мгновением позже оптимистично заулыбалась, в попытке разбавить тускнеющую атмосферу. – Главное, что это принесло тебе опыт.

– Да уж, год выдался трудным, – в подтверждении моих слов кивнул Дава. – Особенно проваленный экзамен. Но знаешь, я очень рад, что в этом гнусном колледже встретил адекватного человека.

– Позавчера ты не пришёл, – пытаюсь изобразить обиду,

напомнила я. – Мне было весьма непривычно. Да что уж там, я едва не померла от скуки!

Впереди показался знакомый серый забор, у входа закурил сигарету пузатый охранник. Табачный запах живо напомнил мне моменты двухлетней давности: я среди бурной компании подростков, докуривающая сигарету до самого фильтра. И как же яростно она обжигала губы, как же подвластна и безответственна была я в те моменты. Этот запах возобновил в моей памяти воспоминания, несущие в себе великолепие первых чувств, постепенное самопознание, и об озорном блеске в глазах я тоже ненароком вспомнила. И столько жизни во мне было, столько оптимизма, а сейчас от меня осталась всего-навсего тусклая тень.

– Прости, – искренне обронил Дава перед тем, как мы приложили свои карточки к турникетам. – Я был на тренировке, сама же знаешь. Постараюсь не оставлять тебя больше в одиночестве.

Мои глаза рассеяно встретились с его глазами – такими же карими, но вопреки прокатившейся по телу теплоте, я лишь сдержано улыбнулась. «Он – загадка, а может просто большая редкость. Никогда не встречала столь тактичного и учтливового человека!» – подумала я про себя.

– Тот человек, которому ты посвятила книгу поступил с тобой отвратительно, – неожиданно сказал мне Дава на перерыве между занятиями, когда мы продолжили свою беседу.

– Он всегда недооценивал меня и мои чувства. Я не сумела сказать о том, что испытывала к нему одной скудной фразочкой, зато изложила любовь в целых четыреста страниц, – с иронией выразилась я, а затем едко добавила: – Но даже этого было недостаточно.

– Зато тебе наверняка пришло осознание, что стоит уйти от этого человека, не оборачиваясь, верно?

Я только и закивала в знак согласия. Слишком трудно было выдавливать из себя слова, когда внутри все затвердевало по самое горло. Как-никак, уходя от человека, я забрала с собой огромный чемодан, наполненный тяжелым осадком. Что для меня любовь сейчас? Я представляла ассоциацию с ярким пламенем, но впредь знала, что оно может или согреть, или сжечь все напрочь, оставив после себя лишь пепел. И что же сохранилось во мне прежнего, кроме недоверия к этому непредсказуемому чувству? Изо дня в день я поглощала завтрак под аккомпанемент навязчивых мыслей, в попытке анализировать своё прошлое, а порой вечерами шла по темным улицам, изливая слёзы, так и не сумев донести их до дома. Оставалась ли у меня обойма, хотя бы наполовину заполненная патронами, или я безрассудно истратила весь свой запас?

Наверное, я все ещё могла услышать свист собственной пули, но разве стоит рисковать вновь? Я не хотела влюбляться, ведь чрезмерно боялась власти этого чувства, но одновременно восхищалась его величием.

Вздыхнув, я неожиданно поймала себя на мысли, что последние дни слились воедино. Мне оставалось лишь тонуть в однообразии тренировок и учебы, моментами вспоминая тёплую дачу, поле, залитое солнцем и прохладные ночи, когда под боком сладко сопели подруги в смешных пижамных костюмах. То были два августовских дня, когда я смогла на время обрести свободу от удручающих мыслей, хоть и трезвое сознание отчаянно твердило, что вернётся серый город, вернётся постылая душа и шаблонность каждого последующего дня. И ничего уже прежде не радовало, ничего не вызывало доверия. Ощущала ли я счастье? Разве что едва уловимыми мгновениями, а затем все снова меркло, словно солнце, уходящее за горизонт.

Обременённая тяжкими раздумьями, я вернулась домой без настроения. Чаще всего мама видела мое суровое лицо, сжатые губы и отсутствие былого задорного блеска в глазах.

– Ты будто каменная, – изредка шутила она. – Но я знаю, что у тебя самое большое и доброе сердце.

«Это напоминание звучит, как крик собственной надежды на то, что та часть меня все ещё на месте,» – думала я, натягивая на себя улыбку, а затем верно усаживалась за свой рабочий стол. Пожалуй, это был мой самый любимый уголок комнаты, наполненный различными книжками, коробками с памятными вещами и творческой атмосферой. Временами, сложив локти на стол я беззвучно плакала, глядя на фотографию отца в потёртой рамке, но затем решительно доставала

альбомные листы и аккуратно вырисовывала портреты выдуманных персонажей. Моя рука плавно двигалась совместно с кистью, внутри все замирало, слезы постепенно высыхали, будто их и вовсе не было. А иногда в непредвиденном опустошении я часами писала в блокнот, в попытке избавиться от переживаний и нарастающей паники. Хватаясь за гелевую ручку, я чувствовала, как горькие мысли переносятся на белые листы. И я забывалась. Но реальность – хитрая лисица, бросающаяся в атаку на разум. Поэтому все, что меня умиротворяло было временным.

В этот выхолощенный день я вновь сидела за столом, наблюдая за медленным мерцанием синей гирлянды, а в моей груди явственно чувствовалась пустота. За окном царили сумерки, через форточку проходил холодный воздух, но даже он нисколько не отрезвлял мои туманные мысли. А затем я вытащила блокнот из тумбочки, достала черную ручку в предвкушении нового печального разворота. И не было на листах ярких наклеек или декоративного скотча. Виднелся только неразборчивый почерк усталой руки, исстрочившей множество подобных страниц.

Написав не меньше трёх листов, я обессилено рухнула на кровать и свернулась в тугий клубок. Обнимая колени, я чувствовала стоящие в глазах слёзы, но так и не позволила им скатиться по тёплым щекам. И совсем не хотелось проваливаться в сон, ведь даже он больше не приносил мне успокоения. Триумфально насмеялась надо мной пошатанная

психика, рисуя в моих снах весьма извращённые кошмары, от которых просыпалась я мимолетно, дрожа, словно в самой мучительной агонии. После кошмаров всё вновь сливалось воедино: мои измученные от недосыпа глаза упрямо глядели в пустой потолок, кости мелко дробило от пронизывающего страха, но в конечном итоге сон овладевал над слабым телом и всё повторялось.

Глава 3

– Я была такой тряпкой раньше! – то ли жалобно, то ли с насмешкой выдала я за очередным откровенным разговором с Давой.

Мы бок о бок шли по широкому коридору колледжа, и я невольно гадала: когда же этот обаятельный парень успел так приглядеться мне, что вечерами я с охотой набирала его номер в телефоне и говорила-говорила, пока по ту сторону экрана доносилось прерывистое дыхание. И как бы с трудом не разгадывался ребус его характера, больше всего наблюдала я исключительно покладистого, мужественного человека, с большой охапкой целей на будущее. Может и таилось в нем что-то чрезмерно амбициозное, коварное, потому я и держалась любопытной кошкой: осторожно, но с неожиданным для меня интересом, ведь все же некоторая часть меня упрямо хотела опробовать его необъятную теплоту.

– Ты вовсе не тряпка, – выводя меня из задумчивости, отчеканил Дава. – Просто ты сильно любила.

На моем лице промелькнула едва заметная улыбка, а внутри будто бы на струнах заиграла доля восхищения, ведь как же лаконично всегда выражался Дава. Но в следующее мгновение я вновь сникла, когда осознала весомость того чувства, что однажды непредвиденно меня коснулось.

– А теперь для меня любовь является проявлением слабо-

сти, – бесстрастно ответила я, плюхаясь на ближайший кожаный диван.

– Нужно время. Раны быстро не заживают.

Я неопределённо пожала плечами. В самой глубине моего сердца, где казалось, была лишь крошечная тьма, все же затаилось одно несказанное желание: утонуть в самозабвении, насладиться ощущением, когда выдыхаемый из легких воздух приносит облегчение, а не катастрофическую тревогу. Но я отгоняла это желание, словно назойливую муху, и не существовало больше ни капли уверенности в том, что однажды меня настигнет такого рода счастье.

Являлась ли все таки любовь проявлением слабости на самом деле или же это выдумка разбитого человека? На подобные вопросы разум давал навязчивый ответ, воспроизводя в памяти моменты моей былой уязвимости, когда дорогой человек становился оружием против самой себя, безжалостно исторгающим пули в самое сердце.

Откидывая докучливые мысли прочь, я изучающе обвела глазами Даву, все ещё внутренне дивясь загадочности его души. И что-то притягивало меня к нему, словно оказался он недостающим пазлом в общую картину, но страшась этого неотступного ощущения, больше всего поддавалась я недоверию, пусть даже и неоправданному. Удивлял, манил его пылкий интерес ко мне, а одновременно с этим заставлял сторожиться, как затаившаяся в кустах остролиста мышка.

– Я очень удивлена, что рискнула поделиться с тобой

не самыми приятными моментами своей жизни, – неожиданно выпалила я, решившись вслух озвучить вереницу своих мыслей.

– Знаешь, во многом я не смог открыться даже своим близким, но тебе почему-то доверился, – обронил Дава, а мои рёбра защекоotalo от лёгкого смущения.

Не могла я теперь бесстрастно истоптать его душу, раз он столь уверен в моей добросовестности, но и подпустить ближе безмерно боялась, дабы не изранить и его, и саму себя.

– Не могу сказать, что тоже доверилась, – честно ответила я, внимательно посмотрев на Даву, опасаясь уловить хотя бы единственную капельку обиды в его глазах. Но его лицо осталось невозмутимым. – У меня огромные проблемы с доверием к людям. Взялась за дурную привычку искать в каждом человеке коварство, чтобы во время выпустить из под спины иголки, прямо как лесной ёж.

– Ты словно вечность находишься в оборонительной позиции, но разве сейчас есть от чего защищаться? – спросил он, но я непреклонно сочла этот вопрос за риторический.

Повисла тишина, мои мысли вновь превратились в цепкую паутину. И не озвучила я своей опаски ко лжи и корыстным людям, не огласила тщетных попыток сохранить себя от лихорадки, приносимой теми, к кому однажды равнодушно лежала моя душа. И тревога, столь трепетная, что порой мое сердце стучало быстрее пойманной птицы, воссоздавало негативные голоса в голове, но я знала, что это горь-

кое восприятие своего болезненного прошлого.

– Создай свое маленькое окружение и не подпускай к себе лишних, – таков закон моей жизни. Когда от меня уходили люди, я сожалел лишь некоторые дни, но не более, так что моё сердце практически непоколебимо. Я научился забывать, будто ничего и не было, захватывая с собой лишь багаж опыта, – неожиданно заговорил Дава, да так хладнокровно, что я едва удержалась, чтобы не отпрянуть.

– Выходит, я не особо лишняя для тебя? – набравшись смелости, еле слышно вырвалось из моих уст.

Но не застала врасплох я Даву своим испытующим вопросом, напротив, уголки его губ едва заметно приподнялись, и он окинул меня тёплым взглядом.

– С тобой я чувствую себя совсем иначе, будто мы знакомы давным-давно, – честно признался он, а на его лице промелькнуло легкое смущение. – Таких людей ранее мне ещё не довелось встретить, которых можно так запросто понять с полуслова.

Слегка согретая его словами, я позволила себе улыбнуться, на этот раз по настоящему, – редкое явление, но разве могла я игнорировать промелькнувшее между нами взаимопонимание? Эта искорка росла изо дня в день, срастаясь с привычкой, но в конечном итоге, в невидимой никому борьбе побеждало лишь одно чувство – страх.

– Я рада, что оказалась понятой, – радушно отозвалась я. – Со многими людьми я столь фальшива, что порой тош-

но от своих же масок. Примерять маски интересно, но быть настоящей лучше всего на свете.

А слова, столь легко соскользнувшие с моего языка, являлись правдой лишь на половину. Разве могла ли резюмировать я о собственной искренности, если потеряла ту драгоценную часть себя, что держала свет и любовь под моими рёбрами? В этих продолжительных поисках оставалось одно неизменно – мизерная надежда, что после множества полученных ранений личное спасение увенчается успехом. «Я возьму хорошие времена и переживу плохие!» – мысленно проговорила я про себя, глубоко вздыхая.

А затем мой взор невольно упал на руку Давы. Она лежала настолько близко к моей, что я прямо-таки будто ощутила тепло его ладоней на миллиметровом расстоянии. Кроме того, отчетливо чувствовала я исходящую от него заинтересованность, ощущала на себе поглощающий взгляд карих глаз, замечала мягкость его поведения, а трезвый рассудок велел прогнать прочь любопытство, поддаться заледеневшей душе и не давать волю своим чувствам. Запретный плод всегда был сладок, мурашками тело сообщало мне об искушении. Часть меня назойливым шепотом твердила мне обхватить его руку, почувствовать соприкосновение тонких запястий и пальцев, но я знала, что никакого волшебства не случится: мое сердце было совершенно неприкосновенным для любого, кто не обделял меня вниманием.

– Нам нужно идти на занятие, – ощутив неловкое напря-

жение, вымолвила я.

Поднявшись с места, мы двинулись по коридору, но в какой-то момент я почему-то обернулась на пустующий кожаный диван, словно вдруг усомнилась, там ли я оказалась.

На улице все ещё торжествовало тепло солнца, листья деревьев совсем не торопились менять окраску – это действительно радовало меня, ведь солнечные лучи каждое лето кропляли мое лицо веснушками, а с наступлением холода, к моему разочарованию, они исчезали. К тому же, возвращаясь домой под закат, я не упускала из головы мысль о том, как прекрасно не заворачиваться в пуховые куртки, осязая на себе легкое дуновение ветра и наслаждаться тонкой хлопковой одеждой.

На сегодняшний вечер у меня были приятные планы: девочки решили устроить совместную ночёвку у Насти, что нагоняло на меня предвкушение хорошего завершения дня.

– Учиться по субботам своего рода пытка, не так ли? – кисло пробурчала я, обращаясь к Даве.

Мы вышли из колледжа, устало волоча ноги к автобусной остановке, а я все ещё пыталась выбраться из омута странного напряжения, образовавшегося между нами.

– Я бы все отдал за тёплую кровать и сладкий сон в субботу! – подтвердил мое недовольство он.

Промычав что-то неразборчивое себе под нос, я нелепо уставилась на свои ноги. Слова иссякли, а в моей голове

все ещё всплывали мгновенья, исполненные прельщением, когда мои глаза ненароком пересекались с внимательным взглядом Давы. И что-то было в нём такое необъяснимое, что со своей страстностью хотелось мне изведать, но я вовсе и не торопилась действовать, упрятав себя под собственный защитный панцирь.

– Ты тоже почувствовал какую-то накалённую атмосферу сегодня? – не выдержав обступившей нас тишины, выдала я, а секундой позже мне чудовищно захотелось прикусить собственный язык за чрезмерную прямолинейность.

Тем не менее выражение его лица по прежнему оставалось бесстрастным. Несколько томительных секунд он так и не выдавал своего ответа, и улавливая в его глазах нотки задумчивости, я осознавала насколько крепким оказалось его самообладание.

– Было что-то такое, не спорю, – наконец заговорил Дава, а затем посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, что я едва не остолбенела. – Признаюсь честно, у меня появилась к тебе симпатия с самого первого дня знакомства.

– С самого первого дня? – эхом повторила я, усилием воли заставляя себя не умчаться прочь, только бы не испытывать этот зудящий укол правды.

– Ага, – с той же серьёзностью обронил он, по прежнему глядя в мое лицо. – С тобой мне становится так тепло, что я совсем забываюсь. Ты интересный человек и мне бы хотелось узнать тебя ближе.

«Почему же ты поражена, если и так догадывалась о его чувствах?» – безотвязно прожужжал мой внутренний голос. И то ли потешался мой безумный разум осознанием того, что он нуждается в моем присутствии, то ли огорчал до дребезжащей тряски, ведь не могла ответить я тем же. Симпатия, знаете ли, крохотное чувство. Не воспламеняет оно сердце, не поглощает огромной волной и вовсе не пропускает свет сквозь собственные трещины, а только преподносит шанс, но совершенно не готова была я пойти на такой риск, ведь даже самый хороший шанс однажды может разбить всякого, кто попытается его ухватить.

Мои глаза стали похожи на две огромные луны, но в следующее мгновение я совладала с собой и окаменело уставилась на дорогу. Дава молчаливо ждал моего ответа по мере того, как мы приближались к остановке.

– Не могу в точности описать то, что испытываю на данный момент, ведь наше знакомство произошло совсем недавно. Но несомненно, находясь рядом с тобой, я ощущаю себя весьма комфортно, – выдавила из себя я, стараясь говорить как можно мягче.

А ведь могла я поддаться собственному безрассудству, позабавиться с его чувствами, притворится абсолютно иным человеком, но впервые неопишное уважение и покладистость перед Давой не позволили мне обойтись с ним столь несправедливо. Таинственность нового друга припугивала меня, заставляла задумываться, но больше всего мне не хоте-

лось уязвлять его издевательствами своего полупустого сердца.

Мы разошлись по разным остановкам практически безмолвно. Каждый из нас был погружён в свои мысли и мои развеивались лишь благодаря ожиданию веселой ночи с лучшими подругами. Но даже войдя в уютную квартиру Насти, внутри меня по прежнему слабо плескалось беспокойство.

– Рассказывай, – потребовала подруга, когда мы с Энн уселись на её просторную двуспальную кровать.

За окном постепенно надвигались сумерки, навеивая на нас предвкушение вечерних разговоров и просмотра всяких комедийных фильмов.

– Вообще-то, я познакомилась с одним парнем, – сделав глубокий вдох, начала я, глядя как лица подруг моментально напрягаются от нескрываемого любопытства. – Он занимается футболом, и мы сидим вместе за одной партой в колледже. Достаточно хороший человек, если попытаться оценить его за все наши душещипательные разговоры и короткое время, что мы пробыли вместе. Сегодня он признался мне, что испытывает ко мне симпатию, и я в замешательстве.

– Он тебе нравится? – с долей надежды и восторга встала Настя.

– Сама того не понимаю. Мне, кажется, долгое время я ещё не смогу понимать себя и чувствовать что-то, кроме быстротечных симпатий. А нужно ли мне оно?

Недовольное сопение неожиданно прервало мой тусклый

рассказ. Повернув голову, я увидела, как Энн раздраженно закатывает глаза, а на моем лице мелькнула слабая улыбка, ведь я уже догадывалась о том, что она скажет.

– Не советую делать выводы, зная человека считанные дни. Ты попадалась во множество ловушек гнилых людей. Все они до горла были наполнены фальшью, и я не думаю, что ты несказанно обрадуешься, попавшись на очередную удочку, – процедила она, сверкнув своими серыми глазами. Подруга зачастую осаждала меня, порой гневно и с колющим холодком, но я знала, что это благородный удел её переживаний. – Не стоит грузить себя мыслями о нем, будь бдительнее. Ведь у тебя часто были ухажеры, и долго ли они задерживались в твоей жизни?

– Я совершала одну и ту же ошибку, когда вступала в отношения, проливая ночами слезы о своей первой любви, – невесело хмыкнула я, вспоминая о своих былых вспышках симпатии.

Эти чувства вовсе не будоражили мою кровь, не вызывали искреннего интереса. Я торопилась лишь заполнить пустоту в собственном сердце кем-то, кто проявлял ко мне сладостное равнодушие. Но эта бессмысленная игра давно наскучила мне, потому и твёрдо решено было, что отныне нужно быть рассудительнее в таких скверных делах. Да и с Давой все было абсолютно иначе. Совершенно не хотелось мне потешаться над ним, использовать и топтать его добрый нрав, только вот предчувствовало мое нутро, что он ощутит тя-

гостность невиданных страданий в погоне за моей взаимностью.

– Если он кажется тебе хорошим, то напомню, что зачастую это людская маска, сотворенная ради собственной выгоды, – тем временем продолжала Энн, а затем пошутила. – Ну ничего, даже если и так, найдёшь себе нового.

– Нового? – резко переспросила я, удивлённо приподняв брови. – Я в магазине по-твоему? Мне надоело перебирать людей и устраивать проверки на срок годности. Пускай издеваются над моим и без того изнывающим сердцем, насмеются, но однажды и они будут бессильны перед порицающей толпой.

Энн замолчала. Притихла, оставив после себя только глубокий вздох, затаивший в себе охапку несказанных мыслей. А я и не торопилась продолжать свою речь, ведь не хотелось мне напрасно сетовать о чувствах, которых и вовсе я не ощущала.

– Предлагаю отправиться за всякими вкусностями, – решила разбавить блеклую обстановку Настя, а в ее глазах заплясали веселые проблески. – Негоже проводить вечер с пустым желудком, того и гляди мой слипнется с рёбрами!

– Сока бы сладкого попить! – воодушевлённо подбавила Энн, сменив угрюмое выражение лица на легкую ухмылку.

– Может быть выпьем что-нибудь покрепче? – подала голос я, в котором приметно слышалась звонкая задоринка.

Лица девочек расплылись в многозначительных улыбках,

из которых я и считала молчаливое согласие, а секундой позже радостно осознала всю прелесть наших сознаний, что плотно скрепившись в едином союзе, умели под чистую выбрасывать томительные мысли и рассуждения прочь.

– Но у нас есть одна проблема, – резко встрепенулась Энн. – Мы несовершеннолетние.

Я озадачено нахмурила брови. Мои восемнадцать лет будут праздноваться зимним декабрьским днём, а девчонкам придётся потерпеть немного дольше, но приближение собственного дня рождения нисколько не облегчало задачу. Алкогольные напитки без паспорта не купишь. Перебирая в голове всевозможные варианты разрешения проблемы, меня посетила неожиданная мысль. Усилием воли попыталась я не открывать рта, лишь бы не озвучивать свою безумную идею, но с подругами я была предельно честна, потому и подняла на них взгляд, полный неистового смятения.

– Наверное, вы сочтёте меня за помешанную, но кажется, я знаю только единственного человека, который может купить нам выпивку прямо сейчас.

– Вова?! – одновременно выпалили девочки, ошеломлённо вытаращив на меня глаза, а в ответ я застыла в немой растерянности, ведь как же давно мои уши не слышали имени своей первой любви, столь намертво въевшегося в память.

– Даже не вздумай! – сердито вспыхнула Энн, прежде чем я что-либо сказала. – Неужели ты так быстро растеряла соб-

ственное достоинство?

– Ничего я не теряла, – мрачно буркнула я, с надеждой переводя взгляд на Настю. – Если мы хотим выпить, то почему бы и не попросить помочь? Вы только подумайте, мы же просто используем его для своих намерений, не более того.

– Можно попробовать. Разве не плевать нам на то, что он подумает? – неожиданно заговорила Настя после длительной паузы. Энн гневно развела руками. Я знала, что ей безмерно хотелось оспорить наше решение, но она всего-лишь сердито насупилась.

– Ты же сможешь позвонить ему? – с мольбой обратилась я к Насте, чувствуя как сердце предательски учащает своё биение. Не смогла бы я выдать и слова из своих уст, услышав через динамик телефона его безмятежный басистый голос. Увы, не под силу мне было вымолвить что-либо на его простое: «Алло?».

– Да, конечно, – понимающе ответила Настя, и из моих лёгких вырвался облегчённый выдох.

Я посмотрела на неё с искренней благодарностью, а затем безгласно протянула в её руки телефон.

Он согласился. Не успела подруга объясниться, как из трубки донеслось краткое самодовольное одобрение, а я с насмешкой закатила глаза. «Поди, возгордился тем, что мы внезапно попросили его о столь никчёмной помощи!» – раздраженно подумала я, напряженно пытаюсь не придавать значения близившийся встречи.

Мы договорились встретиться с ним возле небольшого супермаркета неподалёку от дома Насти. На улице уже совсем стемнело, уличные фонари тоскливо освещали наш путь, а прохладный ветер безжалостно трепал волосы. Машины со свистом пролетали по дороге, оставляя за собой удушливый смрад, небо затянулось густыми серыми тучами, упрятав в своё мрачное одеяние полную луну. Но отчетливее всего ощущался внутренний трепет: назойливый, пугающий, который отгоняла я тяжкими усилиями, и с каждым пройденным метром больше и больше хотелось мне броситься наутёк, только бы вновь не видеть его надменного лица. И вот, подходя к супермаркету, на лавочке завиднелась знакомая высокая фигура и расправленные широкие плечи. Я молча переглянулась с подругами. Энн презрительно сощурила глаза, а Настя еле заметно кивнула, кажется, она тоже разделяла мои чувства. Мы подошли к лавочке, а Вова тут же вскинул свою лобастую голову. Его взгляд быстро прошёлся по нашим лицам, и когда пронзительные голубые глаза на мгновение встретились с моими, мне невольно захотелось ступать в ближайший угол. Но лицо Вовы было раздражающе спокойным, а глаза выражали до боли привычное бесстрашие, будто мы и вовсе не расходились на несколько месяцев, словно он и не догадывался о том, сколько душевных пыток мне пришлось испытать за все это томительное время.

– Привет, – коротко отчеканил Вова, сильнее запрятав шею в свою серую ветровку от вечернего холода, а может

и от неловкого смущения.

Интересно, насколько выносимо ему было стоять под моим испепеляющим взглядом? А затем за нашими спинами послышались тяжёлые шаги. Дружно обернувшись, мы увидели приближающихся Макса и Киру. Внутри меня все неожиданно сжалось от напряжения, воздух, казалось, ментально пропитался враждебностью и общей неестественностью, а краем уха я ясно услышала, как Энн шепчет невнятные оскорбления. Но тем не менее, я продолжала, словно зоркая сова разглядывать прибывших мальчишек, с которыми когда-то меня объединяла крепкая двухлетняя дружба.

Когда мне было всего-то шестнадцать лет, на одной шумной тусовке, полной пьяных подростков, мы с Энн познакомились с этими ребятами, а именно с Вовой у меня завязались отношения. И казалось было, все шло мне на руку – целый рой бабочек запорхал у меня под рёбрами в познании неистовой первой любви. Мне казалось, что наконец, сумела обрести я то, о чем мечтала темными ночами, будучи лишенной отцовской ласки и мужского плеча, в котором нуждалась больше всего на свете. А для Вовы все было иначе. Для него я являлась лишь временным этапом в его буйной жизни, но даже после рокового расставания мы с Энн остались в образовавшейся компашке. Я проводила время с ребятами в полном саморазрушении, наблюдая, как любимый моему сердцу человек быстротечно забывает обо всем, что

когда-то нас связывало. Одним вечером, переполненная собственным горем, закутавшись в холодное одеяло, я начала писать историю о своей первой любви в безумном желании открыть всему миру свою боль, что однажды страшным ударом нанёс мне Вова. И любить приходилось мне тихо, робко, выплескивая свои чувства только в творчество, дабы воплотить потом старания в свой собственный роман. Через год книга была готова. К тому времени я с головой ушла в спорт и подготовку к экзаменам, а от Вовы так и не получила желаемого восторга. Его безразличие в очередной раз оставило памятный шрам на моем сердце. Но я не сдавалась, усердно следовала собственным целям, отчетливо чувствуя, что моим районным друзьям становится на меня все равно, ведь я менялась, выросла, боролась за надежду на счастливое будущее, а они норовили вернуть меня во времена безделья и нецелесообразности.

И вот, я вновь стояла рядом с ними, безмолвно глядя им в глаза, и сколько бы не кипело во мне противоречивых ощущений, я мысленно пообещала себе не поддаваться им. Только одного точно я не чувствовала в этот момент как раньше – комфорта рядом с людьми, с которыми однажды веселилась до беспамятства, нарывалась на приключения, признавалась в искренней человеческой любви.

– Добрый вечер, – с натянутой улыбкой произнесла я, быстро пожав обоим парням руки.

Макс подошёл к Энн за следующим рукопожатием,

но к всеобщему удивлению, дерзкая подруга резко отпрянула.

– Нам обязательно здороваться? – едко процедила она сквозь зубы, заставив тем самым нас с Настей изумленно переглянуться.

Губы Макса скривились от нескрываемого отвращения, но он лишь сердито развёл руками. Бывший друг явно не ожидал получить такого внезапного оскорбления.

– В таком случае предлагаю этим вечером не разговаривать друг с другом, – озлобленно ответил он, отворачиваясь, а мне показалось, что его спина вот-вот загорится под презрительным взглядом Энн.

– Этим вечером? – недоуменно переспросила я, стараясь не обращать внимание на накаляющуюся обстановку.

– Мы решили, что вы захотите составить нам компанию за прогулкой, – казалось бы смущенно вставил Вова, но его лицевые мышцы напротив растянулись в слабой ухмылке, ведь он совершенно точно знал, что сложно мне будет отказаться от такого предложения.

Как бы не стискивались мои зубы от его присутствия, в моих жилах забурлил неподдельный интерес к старому, едва позабытому чувству, но в глубине души я прекрасно понимала, что эта встреча – не новый шанс и вовсе не мой собственный аппарат жизнеобеспечения.

– Ладно, – за всех решила я, бросив многозначительный взгляд на хмурюю Энн. – Но через пару часов мы пойдём

домой.

Вечер протекал плавно, словно в один миг я перелистнула страницы своей жизни и очутилась в прошлом, только все было теперь иначе: старая близость испарилась, словно роса под солнечными лучами. Наши голоса источали заметную неестественность, а истомными мгновениями встречающиеся взгляды тотчас остекленело бросались куда-то в недоступную никому даль, словно каждый из нас боялся увидеть в чужом взоре отражение собственного безучастия.

– У тебя все же получилось исполнить все свои мечты? – невзначай спросил Макс, бредя по узкой тропинке позади меня.

– Я не поступила в университет. Провалила экзамен, – кратко бросила я через плечо, стараясь при этих словах улыбаться настолько широко, насколько это возможно.

Макс неожиданно замолчал, а я невольно принялась гадать: торжествует ли он над моей неудачей или искренне сочувствует, но мой мысленный ответ был совершенно очевиден. «Ну же, посетуй мне о том, какой эгоистичной оказалась я, бросая все ради собственных целей, в попытках обеспечить себе светлое будущее. Но по крайней мере я пыталась сделать свою жизнь лучше!» – беззвучно обратилась я к бывшему другу, не осмелившись вымолвить эти слова из своих уст. Но тем не менее никто из услышавших меня ребят даже и не пытался вставить отточенный заготовленный упрёк, и вместе с этим я медленно выдыхала, все ещё выдавая лег-

ковесную улыбку, дабы никто не заподозрил сколько стыда и боли испытала я, провалив свою главную задумку.

Мы медленно двигались по мрачным узким дворам под оживлённую беседу Вовы и Киры, в поисках более пристойного места для вечерних посиделок. Настя и Энн, шедшие по бокам, говорили вполголоса: среди отдаленного гула машин вполне разборчиво слышалось ворчание недовольной подруги, которая отнеслась к такому повороту событий довольно скептически. Но не уберечь было меня от этой встречи, в сотый раз мой взгляд быстро скользил по Вове, будто обвиняя его в том, кем я стала.

Добравшись до пустующей площадки, ребята расселись по лавочкам, продолжая вести свой бурный разговор, отнюдь в котором нам с девочками абсолютно не захотелось участвовать. Вечер тянулся, стеклянные бутылки сладкого пива заканчивались, а я по прежнему преисполнялась глубокой задумчивостью, и мой слегка опьяненный разум поддался легкой грусти.

– Знаете, мне кажется, эта опрометчивая встреча дала каждой из нас осознание того, что мы выросли из этой дружбы, словно из старой одежды, – негромко проговорила я, устремляя свой затуманенный взор в потемневшее небо.

– Ты права. Нам совершенно нечего делать среди этих людей, – вполголоса ответила Настя. – Пришло время навсегда попрощаться.

Нельзя позволять себе возвращать тех людей, от которых

страстно желает исцелиться поранившееся сердце. Прошлое не будет будущим. Я знала это. И вдыхая в себя поток новых мыслей, я неожиданно встала с места и направилась к Вове. Лобастый паренёк сидел в одиночестве, пока мальчишки медленно потягивали сигареты возле бордюра. Он по прежнему глотал крепкий алкоголь, а его грубоватые кончики пальцев без конца чиркали по металлической зажигалке. Эти квадратные припухлые кончики пальцев, ногти цвета обработанной речной ракушки. Его руки никогда больше не пройдутся по моей талии, очерчивая границы дозволенных изгибов, а из моих уст не вырвутся самые чувственные слова о хрустальной и искренней любви. Его взгляд, брошенный на меня исподлобья, не затмит больше небесное светило, он оставит лишь неизгладимый отпечаток в моем сердце.

– Мы могли быть счастливы, – нарушила тишину я, на секунду испугавшись услышать в ответ злобную насмешку, но глаза нетрезвого Вовы неожиданно посерьёзтели.

– Мы были бы вместе уже два с лишним года, – тихо проговорил он с легкой улыбкой, а мне так и не довелось понять какие чувства испытывал он, произнося эти слова.

– Возьми меня за руку, пожалуйста, – прошелестела я одними губами и через мгновенье почувствовала тёплое прикосновение его пальцев.

Но не билось мое отныне недоверчивое сердце быстрее пойманной птицы, больше не горели вены, словно от мощного афродизиака. С каждым выдохом в памяти воспроизво-

дились воспоминания о том, как ночами не смыкались мои опухшие от слез веки, когда некому было поцеловать мокрые щеки тёплыми губами и вернуть помертвевшему лицу природу красок. Безответная любовь рушилась на хрупкие плечи совершенно беспощадно, и в конце концов боль победила. Она забрала без сожалений последний огонёк из непроглядной тьмы.

Я вспоминала, как щемил сердце безжалостный голос Вовы, сетующий о моей навязчивости, а моя оробевшая рука постепенно выбиралась из его цепких пальцев. Воспоминания о страданиях затмили все, что я могла испытать в эту секунду. Мне больше не хотелось ждать его любви,

демонстрировать искусство своих чувств и смотреть в его глаза, будто на самую яркую вещь, которую я когда-либо видела.

«Прощай!» – мысленно проговорила я, медленно поднимаясь с места.

Он не должен снова стать моим настоящим. Ведь однажды, не заметив всех его внутренних изъянов и душевного холода, заледенела и я. Обойма все же была, пока из моей груди вырывалось дыхание. И глупо потратить жизнь, оставив ее полной патронов, но если я останусь рядом с ним, то утону в болезненных терзаниях.

И когда я направилась к девочкам, оставив осколки своих чувств позади себя, по моей щеке скатилась маленькая соленая слеза.

– Эта встреча была ошибкой, – бесстрастно отчеканила Настя, когда мы стояли напротив её дома.

Впервые за этот вечер лицо Вовы растянулось в несвойственном ему смятении, а его голубые глаза, вечно полные самолюбия, неожиданно затуманились обидой.

– Почему? – расстроено выдавил он, но Настя демонстративно схватила меня под руку, и мы зашагали прочь.

Глава 4

С того памятного вечера миновала целая неделя, а в моей голове по сей день звенели последние слова Насти, храбро снятые с языка на прощанье мальчишкам. Но я знала, что эта колкость была посвящена исключительно Вове, знала, что подруги всеми силами желали уберечь меня от последствий, которые могли произойти, если бы я невольно поддавалась былым чувствам. Они были чертовски правы.

Раз в чувствах не были мы с ним однажды солидарны, значит мне придётся временно забыть про то, что мое сердце способно на такую искреннюю любовь. Для того чтобы быть готовой к новым отношениям, мне нужно исцелиться. Нам нельзя быть вместе. Нам нельзя даже видеть друг друга, ведь когда наш взгляд пересекается, я вижу в его глазах лишь собственное жалкое отражение, словно ненароком бросив взгляд в разбитое зеркало. А теперь доверия к любви и вовсе не было. Может я и желала вновь кого-то страстно полюбить, но страх перед страданиями затмил ту чудную способность. И хотелось бы вкусить этой свободы, как вроде тех, кто рисует граффити на нескончаемых заборах возле железных дорог, как те, кто безоглядно несутся в другие города, спонтанно, прихватив с собой новый смысл. Только одно оставалось неизбежным для меня – запертая душа в тёмной клетушке, полной бесконечного угнетения.

В эту субботу я вновь сидела с девочками, наблюдая через широкое окно за игристыми лучиками солнца, а в моих жилах пульсировало предвкушение сегодняшнего дня, ведь мы собирались оторваться в клубе. В пятничный вечер Дава любезно предложил нам повеселиться, на что тут же получил прыткое соглашение. Занималось утро моими размышлениями: я невольно дивилась тому, насколько скоротечно все менялось в этом учебном году. В ту ночь, когда Настя решительно развернула меня в сторону своего дома, оставив позади мою первую любовь, я незамедлительно набрала номер Давы. Мы говорили-говорили обо всем на свете, не заметив и того, как за окном туманной дымкой уже расстился сентябрьский рассвет. Обнимая подушку, я слушала его приглушённый сонливый голос, пока меня не накрыла приятная волна сна. А с новой неделей учебы мы вновь шли вместе до колледжа, делясь рассказами о изнурительных тренировках. В какие-то моменты я вновь ловила на себе его тёплый взгляд, напоминающий о том, что однажды мне придётся сделать сложный выбор, а в другой его рука ненароком пыталась обхватить мою, но все его попытки были тщетны.

Наша подготовка к клубной тусовке протекала сноровисто: рукастая Настя принялась заплетать нам роскошные косы, с маленькой колонки играли ритмичные английские песни, а мы с Энн весело переглядывались в ожидании нового дивного образа. К часу дня мы были готовы, нанося последние штрихи для полной безупречности: залакировали непо-

слушные прядки волос, нанесли внушительные слои блеска для губ, по тонким ключицам распыскали сладкие концентрированные духи. Крутясь у зеркала, я с улыбкой заметила, как мы похожи: на всех нас были надеты широкие чёрные брюки и белые топы на тонких лямках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.